

Ю.В. Дубровская

ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь

Ю.Г. Белоногов

ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь

Е.В. Козоногова

ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь

Проблемы оценки эффективности административно-территориальных преобразований в России¹

Аннотация. В современных исследованиях, посвященных вопросам реформирования административно-территориального деления в настоящем и историческом прошлом России, традиционно преобладает точка зрения, согласно которой истинной целью таких преобразований является создание не столько экономически эффективного, сколько государственно-управленческого территориального каркаса. Вместе с тем, большинство данных суждений не подкреплено эмпирическими свидетельствами и количественными оценками. Поэтому моделирование проблемы конфликта управленческих и экономических интересов при проведении реформ административно-территориального деления России представляется интересной исследовательской задачей, решение которой позволит по-новому оценить эффективность административно-территориальных преобразований как в исторической ретроспективе, так и современных политических реалиях. В процессе исследования эволюции территориальной организации России авторы собрали статистические данные за 135 лет. В качестве эндогенной переменной было выбрано значение реального ВВП на душу в ценах 1913 г. В качестве основных переменных интереса использованы дамми-переменные, полученные согласно авторской группировке исторических событий и характеризующие политические и экономические инициативы, направленные на изменение территориального деления страны. В результате моделирования было доказано, что преобразования, связанные с перекройкой административных границ регионов (независимо от провозглашаемых целей) на протяжении рассматриваемого периода в большей степени способствовали решению политико-управленческих задач Центра, чем собственно экономическому развитию.

Ключевые слова: *экономический рост, административно-территориальное деление, система отношений «Центр–регионы», пространственное развитие.*

Классификация JEL: O2.

Для цитирования: **Дубровская Ю.В., Белоногов Ю.Г., Козоногова Е.В.** (2023). Проблемы оценки эффективности административно-территориальных преобразований в России // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1 (58). С. 89–108. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_89

1. Введение

Научно-исследовательские вопросы, касающиеся роли территориальных изменений в развитии страны, трансформации пространства под влиянием объективных эволюционных процессов, последствий глобализации в результате возрастающей взаимосвязи стран занимают важное место в теории и практике управления территориальными социально-экономическими системами. На отдельных этапах развития общество и государство пытались осмыслить свою

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 21-78-10134) (<https://rscf.ru/project/21-78-10134/>).

территориальность через использование ресурсов и размещение производств, формирование системы управления, освоение новых площадей, развитие инфраструктуры, налаживание межрегиональных взаимосвязей и пр. Изучение указанных вопросов производится, как правило, в контексте исследования меняющихся форм политического управления, и в частности формирования современных суверенных государств, обладающих границами, признанными международным сообществом. В результате *актуальной становится проблема оценки эффективности проводимых государствами стратегий в отношении территориальной организации*, что объективно обуславливает важность исследования особенностей логической структуры государственного действия в отношении территориальных преобразований в рамках пространственно-временного контекста.

Несмотря на достаточно логичное умозаключение о том, что «общим направлением эволюции территориальной организации общества выступает ее развитие от природно-экономической заданности среды жизнедеятельности человека к ее организации в соответствии с его действительными интересами (Соловьева, 2007, с. 161)», в ряде научных работ последних лет дискутируется идея о том, что основной целью административно-территориального деления «являлось создание не столько экономического, сколько государственно-управленческого территориального каркаса» (Минакир и др., 2020, с. 71; Коломейцев, 2010, с. 37; Евдокимов, 2010, с. 24; 2012, с. 177; Присяжный, 2011, с. 159). В результате территориальный принцип в отечественной литературе воспринимается как «заданное извне административное членение территории» (Волкова, 2013), выполняющее «противоавтономные» функции для противодействия сепаратистским и национально-освободительным движениям» (Гладкий, Доброскок, Семенов, 2000, с. 65).

Действительно, само по себе административно-территориальное деление страны имеет две различные задачи: политическую и экономическую. С одной стороны, важнейшее место в вопросах обеспечения эффективности общего управления государством занимает контроль деятельности органов государственной власти субъектов Федерации со стороны федерального центра, с другой – не менее важное значение придается вопросам регулирования экономического развития и взаимодействия территорий.

Однако насколько комплементарны, амбивалентны или конфликтны данные задачи? Например, «разбиение административное, главной целью чего являлись удобство и эффективность управления национальной территорией» (Минакир и др., 2020, с. 72) над ее экономическим развитием идет вразрез с декларируемыми задачами функционирования государства, основной из которых традиционно является *содействие социальному, экономическому и культурному развитию общества*. В этой связи по отношению к современным российским реалиям вполне объективным представляется тезис о том, что «прогрессирующее отставание административно-территориального деления от развития социально-экономических отношений к концу советского периода выпукло обозначило проблемы территориального устройства, во многом остающиеся не устраненными и по сегодняшний день» (Усягин, 2010).

Данные суждения актуализируют множество дискуссионных вопросов относительно особенностей развития национальной экономической системы.

Насколько эффективно экономические преобразования и изменения в политике (в том числе политические инициативы, связанные с изменением территориального деления страны) позволяли мобилизовать ресурсы национальной экономики и обеспечивать ее рост? Стали ли концепции районирования, созданные в 1920-е годы и реализуемые в современной России в различных модификациях, эффективным инструментом устойчивого развития экономики народного хозяйства? Как влияет трансформация пространства на развитие отечественной экономики в результате объективных последствий глобализации? Ответы на данные вопросы позволят решить ряд исследовательских задач, поставленных нами для достижения цели настоящего исследования, — *анализа и оценки эффективности административно-территориальных преобразований в России в 1885–2019 гг.*

Предложенная в рамках статьи постановка научной проблемы, исследовательская методика и полученные результаты получают актуальность и в связи с утверждением Распоряжения Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р². Цель стратегии состоит в обеспечении устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны, сокращении межрегиональных различий в уровне и качестве жизни людей, ускорении темпов экономического роста и технологического развития, обеспечении национальной безопасности. Ярво выраженный приоритет социально-экономических целей в данном документе заставляет обратиться к количественному анализу показателей из исторического прошлого России и выяснить, в какой степени реформирование административно-территориального деления влияет на развитие страны (в частности, на рост ВВП).

В данном контексте считаем важным отметить, что проведение нами настоящих изысканий осложнено проблемой формализации выдвигаемых гипотез, что обусловлено в первую очередь отсутствием непрерывного и сопоставимого массива статистических данных. В этой связи была разработана авторская методика формирования данных и проведения исследования.

2. Обзор работ и основные гипотезы

Теория размещения производства и организации пространства как значимого ресурса экономического развития является объектом изучения не только экономистов и географов-обществоведов, но и социологов, и историков, и политологов. В социальных науках интерес к проблеме организации пространства связан с работами французского историка М. Фуко, которые способствовали формированию пространственной парадигмы (как альтернативы временной парадигме). В частности, обращалось внимание на корреляцию неравномерности географической среды и неравномерности капиталистического развития в пространстве (Д. Харви). Пространство воспринимается как активный и самостоятельный участник социального взаимодействия, более того, пространство имеет и социальную природу: человек и общество создают пространство как вторую реальность, которая зависит от изменений самого общества (А. Лефевр). Это подвигло социологию более пристально изучать *социальные аспекты пространства* (Смирнягин, 2016).

В политологических исследованиях термин «пространство» рассматривается прежде всего как основа организации государственной власти и его органов, осуществляющих управленческую деятельность. Данный подход имеет

² Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 16.12.2021) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681/).

несколько взаимосвязанных аспектов, важных для данного исследования. Во-первых, одной из составляющих территориальной организации населения является административно-территориальное деление государства. Опираясь на административными границами территорий и набором полномочий у руководства административно-территориальных единиц, государство влияет на общественное развитие в целом. Во-вторых, пространственная организация политической сферы жизнедеятельности общества объективно связана с политическим статусом этнических групп, проживающих на территории данного пространства. На этот аспект обращают внимание исследователи, изучающие проблемы этнополитики, этнофедерализма и национально-территориального устройства (Р.Ф. Туровский, И.М. Бусыгина, М.Х. Фарухшин и др.).

Кроме того, актуализированная в настоящем исследовании проблематика территориальной организации пространства решается в ряде исторических исследований через сопоставление принципов двух основных стратегий власти – территориальной и экстерриториальной (капиталистической) (Проценко, 2011, Валлерстайн, 2000, Арриги, 2006).

Как отмечает экономист и исторический социолог Дж. Арриги, «территориалистские правители отождествляют власть с протяженностью и населенностью своих владений и считают богатство/капитал побочным продуктом стремления к территориальной экспансии. Капиталистические правители, напротив, отождествляют власть со степенью контроля над редкими ресурсами и считают территориальные приобретения средствами и побочным продуктом накопления капитала» (Арриги, 2006). В данной классификации термином «территориализм» описывается имперский тип функционирования власти, доминировавший в истории государственного образования на протяжении столетий. При этом, «все «традиционные» империи развились в результате расширения зоны власти, ограниченной сначала довольно узкими пределами государственных границ» (Хелд и др., 2004). Противоположной территориальной стратегией власти является экстерриториальная (капиталистическая), базисом которой является система, основанная на «конкуренции между свободными производителями, использующими свободный труд, со свободными товарами, свободно выражающими свою пригодность для продажи и купли на рынке» (Валлерстайн, 2000). Таким образом, «территориализм» и «капитализм» являются альтернативными стратегиями реализации территориальной экспансии государством.

Проведенный обзор научной литературы позволяет сделать вывод о том, что процесс территориальной организации общества в любом государстве объективно включает две составляющие – управление территорией в результате физического изменения площади и управление пространственной организацией внутри имеющейся территории. Следует согласиться с мнением ряда авторов о том, что «любое государство всегда занимается пространственным развитием» (Безвербный, Микрюков, Мирязов, 2020). Это логично связывается с реализацией государством своих внешних и внутренних функций: так, качественное укрепление обороноспособности границ государства не может быть достигнуто без хозяйственного освоения территорий и использования их ресурсного потенциала.

Исторически России был присущ *фронтирный вариант* модернизации, предусматривающий преобладание экстенсивных факторов развития. Поэтому расширение границ подконтрольных государству территорий, изменение размещения производства и территориальной организации населения диктовали и необходимость реформирования административно-территориального деления страны. По справедливому мнению С.А. Тархова, система административно-территориального деления априори является «операциональным инструментом власти по управлению территорией» (Тархов, 2019, с. 30). Изменения административно-территориального деления страны на региональном уровне, начатые с XVIII в., были направлены на усиление контроля центральной власти над территориями. Одновременно активно развивавшееся на рубеже XIX–XX вв. железнодорожное строительство, а с 1906 г. — еще и переселенческая политика при содействии государства в рамках аграрной реформы П.А. Столыпина объективно способствовали и хозяйственному освоению малозаселенных территорий Российской империи, стимулировали рост промышленности, городов в восточных регионах страны (Безвербный и др., 2020, с. 67; Побережников, 2017, с. 43).

Советская модель пространственного развития регионов также предусматривала указанную противоречивую амбивалентность административно-территориальных преобразований. С одной стороны, исследователи отмечают приоритет политико-управленческих причин реформ (или, наоборот, нежелания проводить административно-территориальные реформы именно по политическим соображениям) административно-территориального деления страны в советский период истории (1917–1991 гг.), связывая их напрямую с политической борьбой за власть и кадровой политикой, изменением политического режима, а также с принципами советской этно-национальной политики (Воробей, 2013; Кырчиков 2017; Артемов, 2011; Щербакова, 2011). С другой стороны, предпринятая тогда перекройка административно-территориальных границ регионов являлась одним из механизмов реализации экономической политики, проводимой по инициативе центральных властей в регионах (Шубин, 2012). При этом исследователи подчеркивают неизбежный конфликт политико-управленческих и экономических интересов при реформировании административно-территориального деления страны (Гергилев, 2017; Ласточкина, 2015; Казарин, 2004; Палхаева, 2018; Мекулов, 2008).

Реформирование административно-территориального деления страны в постсоветский период (создание федеральных округов, укрупнение регионов) может объясняться желанием центральной власти повысить эффективность политического управления регионами, а также придать новый импульс региональному экономическому развитию. Таким образом, краткий исторический экскурс административно-территориальных преобразований показывает наличие двух (как взаимосвязанных, так и разновекторных) групп целей реформ административно-территориального деления страны: политические (управленческие) и экономические. Широта предметно-объектной сущности выбранного нами исследовательского вопроса оценки эффективности территориальных преобразований обуславливает необходимость его детализации как в пространственном, так и временном аспектах. В этой связи в настоящей работе мы сосредото-

точили внимание на исследовании *эволюции территориальной организации России в рамках относительно доступного временного лага данных с 1885 по 2019 г.*

Проведенный обзор научной литературы, посвященной вопросам эффективности территориальных преобразований, позволил сформулировать несколько гипотез, апробация которых производилась применительно к национальной экономике.

Гипотеза 1. Проводимые по инициативе властей административно-территориальные преобразования (вне зависимости от заявленных целей и вида решаемых задач: либо политико-управленческих, либо сугубо экономических) должны были иметь позитивные экономические последствия в виде роста ВВП. Предполагается, что политическая инициатива по изменению территориального деления страны призвана повысить эффективность регионального управления, что, в свою очередь, должно было создать необходимые институциональные предпосылки для положительной динамики экономического развития.

Гипотеза 2. Аналогичным по значимости фактором развития является преобразование с целью реализации экономического потенциала страны. Предполагается положительное влияние данного фактора на экономический рост страны.

Гипотеза 3. Фактор «политическая стабильность», означающий «отсутствие насилия», положительно воздействует на рост ВВП. Наоборот, отсутствие «политической стабильности» (т.е. войны, революции, мятежи и т.д.) внутри страны отрицательно влияет на экономическое развитие страны.

Гипотеза 4. Продолжительность правления лидера страны положительно влияет на рост ВВП, поскольку дает достаточный временной ресурс для проведения реформ. И, наоборот, непродолжительный срок правления свидетельствует о наличии политической борьбы за власть, что способно изменять вектор экономического развития.

3. Данные и методы

Для проверки сформулированных гипотез авторами были собраны необходимые статистические данные в области экономического развития России за 135 лет, начиная с 1885 г. В табл. 1 представлено описание используемых в исследовании переменных за обозначенный временной период.

Таблица 1

Описание используемых переменных

Переменная	Описание переменных
Эндогенная переменная	
<i>GDP</i>	Реальный ВВП на душу населения в ценах 1913 г.
Экзогенные переменные	
Переменные интереса	
<i>Territorial_transformation</i>	Дамми-переменная, 1 – если в текущем году реализуется политическая инициатива по изменению территориального деления страны
<i>Economic_reform</i>	Дамми-переменная, 1 – если в текущем году проводится реформирование с целью развития экономического потенциала страны

Окончание таблицы 1

Переменная	Описание переменных
Экзогенные переменные	
Переменные интереса	
<i>Political_stability</i>	Дамми-переменная, 1 – если в стране стабильность, 0 – если в стране насилие, в текущем году
<i>Leader</i>	Продолжительность правления руководителя страны в текущем году, лет
Контрольные переменные	
<i>Dollar</i>	Курс доллара к рублю
<i>Urbanization</i>	Доля городского населения в общей численности населения, %
<i>Oil</i>	Цена на нефть, долл. США за баррель

В качестве эндогенной переменной авторы выбрали значение реального валового внутреннего продукта на душу населения в ценах 1913 г. Выбор 1913 г. в качестве базового обусловлен тем, что в данный период Россия имела сравнительно свободную и открытую рыночную экономику и использование в расчетах структуры цен любых других лет указанного периода привело бы к искажениям (Ивантер, 2012). Данные по ВВП с 1885 г. по 1913 г. были восстановлены профессором Хьюстонского университета Полом Грегори (Gregory, 1982). Данные по ВВП с 1913 по 1928 г. были получены Андреем Маркевичем и Марком Харрисоном в работе (Markevich, Harrison, 2011), за которую в 2012 г. авторы получили Национальную премию по прикладной экономике³. ВВП на душу населения с 1928 г. по 2008 г. были восстановлены британским экономистом Ангусом Меддисоном⁴. При этом размер ВВП с 1941 по 1945 г. был восстановлен Марком Харрисоном в работе (Harrison, 1996). Значения ВВП на душу населения, начиная с 2008 г., были сформированы авторами настоящего исследования на основе статистики Международного банка⁵.

В качестве переменных интереса выбраны показатели, имеющие непосредственное отношение к сформулированным в исследовании гипотезам: политическая инициатива изменения территориального деления страны (*Territorial_transformation*), экономические реформы (*Economic_reform*), политическая стабильность и отсутствие насилия (*Political_stability*) и продолжительность правления руководителя страны (*Leader*).

Реализуемые органами власти политические инициативы по изменению территориального деления страны в целях развития экономического потенциала страны выражаются в виде дамми-переменной. Выбранная переменная принимает значение «1», если в текущем году было административно-территориальное преобразование, «0» – если в текущем году не было рефор-

³ Для восстановления временного ряда мы оценивали ВВП как сумму добавленной стоимости, произведенной семью ключевыми отраслями материального производства и сферы услуг – сельским хозяйством, крупной и мелкой промышленностью, строительством, транспортом, прочими гражданскими отраслями и оборонной.

⁴ База данных проекта Мэддисона. 2020 (<https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2020>).

⁵ Статистика мирового банка ВВП на душу населения. The world bank. (<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=RU>).

мирования. Под административно-территориальными преобразованиями мы понимаем изменения территориальных границ административных единиц первого уровня – губерний, областей, краев. Причем такое реформирование могло проводиться не только «сверху», но и «снизу» (как, например, в 1917–1918 гг.) – путем «самопровозглашения». При этом административно-территориальными преобразованиями авторы также считали появление и изменение численности федеральных округов, которые, не имея конституционно-правового статуса, тем не менее в научной литературе считаются административно-территориальными единицами нового типа (Черкасов, 2008; Федорец, 2018). Смена же названий и изменение административно-правового статуса субъектов (например, в соответствии с Конституцией 1977 г., национальные округа стали именоваться автономными) без изменения территориальных границ не считались реформами административно-территориального деления страны. Не рассматривались как преобразования и изменения в районировании отдельных территорий внутри регионов без изменения территориальных границ самих регионов.

Проводимые органами власти преобразования в целях развития экономического потенциала страны выражается в виде дамми-переменной. Выбранная переменная принимает значение «1» в результате реализации реформ в области экономического районирования, не изменяющего территориальную целостность страны. Так, в 1957 г. были введены советы народного хозяйства (совнархозы) и территория СССР была разделена на экономические административные районы, в 1993 г. были созданы экономические районы, в 2019 г. – макрорегионы. Такое же значение переменная приобретает в результате проведения экономических инициатив, призванных улучшить институциональные условия деятельности хозяйствующих субъектов и домохозяйств. Например, строительство Транссибирской магистрали в 1891 г. соединило различные части страны и открыло выходы в Европу и Азию. Аграрная реформа Столыпина 1906 г. позволила оптимизировать крестьянское хозяйство за счет ликвидации чересполосицы и дала большой импульс переселенческой политике.

Показатель «Политическая стабильность и отсутствие насилия» (*Political stability*) включает показатели, измеряющие стабильность государственных институтов, вероятность резких перемен, смену политического курса, дестабилизации и свержения существующей власти неконституционными методами или с применением насилия. Таким образом, значение показателя равно 0, если в текущем году отмечались: 1) конфликты этического, религиозного, регионального характера; 2) насильственные действия подпольных организаций; 3) насильственные социальные конфликты; 4) участие в международных войнах.

Выбор переменной «Продолжительность правления руководителя страны в текущий календарный год (*Leader*)» обусловлен особенностями политической традиции преемственности верховной власти, которые, в свою очередь, зависят как от формы правления, так и от типа политического режима в течение трех периодов российской истории (императорский (до 1917 г.), советский (1917–1991 гг.), современный (с 1992 г.)). Предполагается, что политический руководитель страны (чаще всего, но не всегда) является формальным главой государства. Реализуя верховную власть и обладая достаточными полномочиями, он проводит так или иначе курс пространственного развития территорий.

Поэтому срок его деятельности имеет важное значение для оценки эффективности проводимого курса. Так, в работе (Gerding et al., 2021) утверждается, что склонность к долгосрочным инвестициям со стороны правителя повышается при условии наличия гарантии длительного пребывания в руководящей должности.

Отметим, что в существовавшей до 1917 г. монархии глава государства правил до момента своей естественной смерти (Александр III) или до отречения от престола (Николай II). Советская же политическая система имела особенности. По Конституции РСФСР (1918 г.), Конституциям СССР 1924, 1936 и 1977 г. страна формально являлась парламентской республикой, предусматривавшей наличие слабой власти формального руководителя страны (т.е. руководителя законодательного органа власти), сведение его властных полномочий к представительским функциям. В парламентской республике реальная власть принадлежала главе Правительства страны (таковым являлся В.И. Ленин, в определенный период – И.В. Сталин), который и был ответственным за экономическую ситуацию в стране. Одновременно почти на всем протяжении советского периода следует отметить четко выраженный приоритет полномочий руководителя единственной правящей партии. Формально правящая партия была лишь массовой общественной организацией, но в политической системе именно ее лидер считался фактическим руководителем страны⁶. В современной же России глава государства (Президент РФ) избирается на всенародном голосовании (исключение составляет первое наделение полномочий Президента РСФСР Б.Н. Ельцина).

Продолжительность правления лидера страны определялась в годах на момент смерти/отставки. Например, В.В. Путин в 2000 г. был и.о. Президента РФ, таким образом, за 2000 г. у него стоит 0, а в 2001 г. он значится как руководитель, правивший 1 год.

Далее во избежание смещения оценок модели из-за пропуска возможных существенных переменных был добавлен ряд контрольных переменных. Чтобы учесть в модели внешние факторы, влияющие на уровень социально-экономического развития страны, авторами добавили такие регрессоры, как курс доллара к рублю (*Dollar*)⁷ и цена на нефть марки Brent (*oil*)⁸. Кроме того, в модель была добавлена переменная «Доля городского населения в общей численности населения» (Пивоваров, 2001; Гольц, 2004)⁹. Научно доказано, что процессы урбанизации оказывают значительное влияние на экономический рост страны (Земцов, Смельов, 2018).

Таким образом, количественная оценка влияния административно-территориального реформирования на благосостояние страны производилась путем построения модели множественной регрессии. Оценка коэффициентов

⁶ Несмотря на абсолютно разные источники и механизмы получения верховной власти в императорский и советский периоды российской истории, между императорами и руководителями правящей партии с точки зрения нашего исследования есть важное сходство – в окончании срока правления. Фактические руководители страны прекращали правление в результате либо естественной смерти (Александр III, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов, К.У. Черненко), либо государственного переворота и насильственного свержения (Николай II, Н.С. Хрущев, М.С. Горбачев). Исторические ситуации 1922–1929 гг. и 1953–1955 гг. также подтверждают данную закономерность. Для этих периодов была характерна острая политическая борьба за власть различных групп элиты без четко выраженного персонального лидерства, поэтому авторы статьи могут только формально выделить «руководителя страны» (этот руководитель занимал пост главы Правительства СССР). Как А.И. Рыков, так и Г.М. Маленков оказались заложниками подковерной борьбы за власть и лишились своих постов недемократическим способом. Соответственно, предложенный ими экономический курс разделил и их политическую судьбу.

⁷ «Курс доллара США в 1993 году» (<https://ratestats.com/dollar/1993/#nav-chart>); Русский портал. Курс доллара к рублю и рублю к доллару с 1792 по 2015 годы (<http://opoccuu.com/kurs.htm>).

⁸ Динамика цены на нефть Brent за 1990–2023 гг. (<https://www.calc.ru/dinamika-Brent.html>); Статистика цен на нефть (https://guxpert.ru/Статистика:История_цен_на_нефть).

⁹ Официальный сайт ЕМИСС. Государственная статистика (<https://www.fedstat.ru/indicator/36057>).

модели была проведена методом наименьших квадратов, позволяющим ответить на вопрос, как в среднем на рассматриваемом промежутке времени анализируемые в статье события повлияли на экономический рост.

4. Результаты и их обсуждение

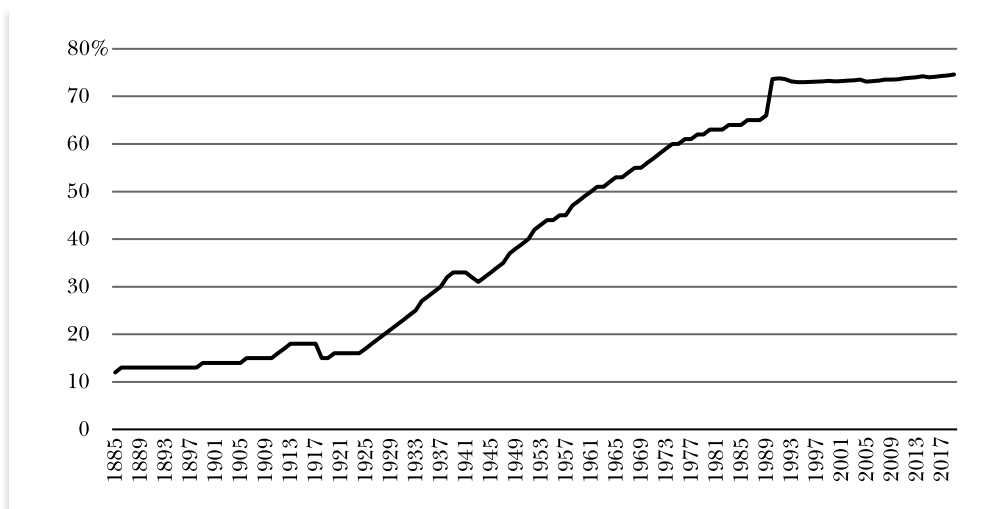
Анализ восстановленных данных реального ВВП на душу населения в ценах 1913 г. свидетельствует о том, что на рассматриваемом периоде экономика России имеет устойчивую тенденцию роста.

Так, в истории России за рассматриваемый период времени зафиксировано несколько падений реального ВВП на душу населения: 1920-е годы, годы Второй мировой войны, 1990-е годы, падение из-за кризиса 2008 г. и после введения санкций, связанных с новой территориальной принадлежностью Крыма в 2014 г.

Дамми-переменная *Territorial_transformation* отражает активность верховной власти, направленную на реформирование административно-территориального деления России (Российской империи, РСФСР, СССР, РФ). Здесь следует выделить шесть этапов (Шульгина, 2005, с. 24), каждый имеет историческую специфику и определенный целевой приоритет. Наибольшая активность в плане административно-территориальных преобразований приходится на следующие этапы: октябрь 1917–1922 гг. (формирование нового национально-государственного устройства России), 1923–1929 гг. (укрупнение административно-территориальных единиц как механизм реализации новой стратегической общенациональной программы развития экономики СССР), 1930–1953/1954 гг. (отход от принципов рыночного экономического районирования и переход к разукрупнению административных единиц для реализации экономического курса индустриализации и коллективизации), конец 1980-х – современность (приспособление сложившегося при СССР административно-территориального деления к новой политической и экономической системе).

Анализируя экономические инициативы (дамми-переменная *Economic_reform*), отметим, что за исследуемый период было выделено 44 наблюдения. Согласно авторской группировке исторических событий данные инициативы имеют ярко выраженную цикличность: активные периоды и периоды спада активности власти. Так, к активным периодам отнесем, во-первых, 1890-е годы, связанные с началом реализации крупных инвестиционных проектов, серьезно повлиявших на пространственное развитие России (например, начало строительства Транссибирской магистрали; закон о тарифах Витте; строительство Китайской Восточной железной дороги; аграрная реформа Столыпина и пр.). Во-вторых, выделим период 1917–1923 гг., с которым ассоциируется Гражданская война в России, начало Новой экономической политики и региональной специализации в ходе разделения территории СССР на 21 экономический район. И, в-третьих, значимым являлся период с середины 1950-х до конца 1960-х годов. Для данного периода характерна бурная индустриализация и урбанизация, переход людей с ручного труда на машинный, что позволило советской экономике расти со скоростью 5–6% (Замулин, Сонин, 2019, с. 15).

Дамми-переменная *Political_stability* отражает противоречивую внутреннюю и внешнюю политику исследуемого государства. За 1885–2019 гг. авторы

Рисунок

Доля городского населения в общей численности населения (1885–2019 гг.), %

определили 52 года к статусу «насилие». Большинство из этих лет падает на революции, войны и внутренние вооруженные конфликты. Прослеживается большой удельный вес таких лет для периодов правления И.В. Сталина, М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина и Николая II. Это объясняется происходившими тогда масштабными преобразованиями общественно-политической и экономической системы, сопровождавшимися и возросшей социальной активностью.

По переменной *Leader* за период 1885–2019 гг. авторы насчитали 14 руководителей страны¹⁰. Сроки их правления в большей степени зависели не от формы правления (монархия или республика), а от возраста (и естественной смерти), характера политического режима и форм политической борьбы. За указанный период можно насчитать пять случаев не добровольного, а преимущественно насильственного отстранения от власти (Николай II, А.И. Рыков, Г.М. Маленков, Н.С. Хрущев, М.С. Горбачев). Максимальный срок правления связан с И.В. Сталиным и Николаем II (соответственно, 23 и 22 полных года), минимальный – с генеральными секретарями ЦК КПСС К.У. Черненко и Ю.В. Андроповым (соответственно, менее года и один полный год).

Если рассматривать динамику курса доллара к рублю, то следует отметить несколько периодов, когда среднегодовое значение курса доллара к рублю имело экстремальные значения. Так, в 1923 г. был установлен абсолютный исторический минимум курса рубля (2352 931). Также, начиная с 1992 г., когда был введен свободный курс рубля, до окончания 1997 г. курс доллара к рублю рос высокими темпами.

Рассматривая процессы урбанизации в России на примере показателя «Доля городского населения в общей численности населения», можно выделить длительный период роста городского населения с 1930 г. Начиная с 1990 г. темпы роста городского населения практически остаются на одном уровне (см. рисунок).

¹⁰ Нами не были включены правивший Российской империей менее 24 часов Михаил Александрович Романов, а также последовательно сменившие друг друга и правившие по четыре месяца председатели Временного правительства в России – Г.Е. Львов и А.Ф. Керенский.

Таблица 2

Парные коэффициенты корреляции независимых переменных

Переменная	<i>Political_ stability</i>	<i>Territorial_ transform</i>	<i>Economic_ reform</i>	<i>Leader</i>	<i>Dollar</i>	<i>Urbanization</i>	<i>oil</i>
<i>Political_ stability</i>	1,000						
<i>Territorial_ transform</i>	-0,240	1,000					
<i>Economic_ reform</i>	0,006	-0,020	1,000				
<i>Leader</i>	-0,118	-0,107	-0,035	1,000			
<i>Dollar</i>	0,068	0,098	0,158	-0,021	1,000		
<i>Urbanization</i>	0,198	-0,314	0,074	-0,245	-0,095	1,000	
<i>oil</i>	0,291	-0,139	0,063	-0,219	-0,045	0,665	1,000

Источник: рассчитано авторами.

Предварительный экспериментальный анализ корреляционной матрицы регрессоров (табл. 2) показал, что между такими показателями, как «Цена на нефть в текущих ценах» и «Доля городского населения в общей численности населения», есть заметная корреляционная связь, что может свидетельствовать о наличии мультиколлинеарности. Однако рассчитанные значения показателя вздутия дисперсии VIF не продемонстрировали наличия мультиколлинеарности в модели (все полученные значения коэффициента VIF меньше 10).

Также, согласно проведенному корреляционному анализу, мы видим отрицательную корреляционную связь между показателями *Territorial_ transformation*, *Leader*, с одной стороны, и *Political_ stability*, с другой стороны. Это объясняется тем, что в исторической ретроспективе административно-территориальные преобразования имели тенденцию проходить на фоне «политического насилия», т.е. руководство с помощью реформ административно-территориального деления пыталось укрепить власть в условиях политической нестабильности, а продолжительность «политического лидерства» руководителя слабо, но все же прямо связано с «политической нестабильностью» (т.е. длительный срок предполагал правление в условиях «насилия»). Одновременно прослеживается слабая отрицательная корреляционная связь между показателями, *Leader*, с одной стороны, и *Territorial_ transformation*, с другой стороны: политическая инициатива по реформированию административно-территориального деления почти не влияла на продолжительность правления политического руководителя.

На первом этапе моделирования авторами были построены четыре модели, включающие только переменные интереса согласно гипотезам 1–4. Далее была построена модель 5, включающая все переменные интереса. На третьем этапе во избежание смещения оценок коэффициентов в модель 5 были добавлены контрольные переменные (модель 6). В табл. 3 приведены оценки коэффициентов моделей 1–6.

Таблица 3

Оценка влияния административно-территориального реформирования на экономический рост (ВВП на душу населения)

Переменные		Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6
Константа	const	408,188***	318,468***	217,794***	415,899***	378,235***	7,166
Политическая инициатива, направленная на изменение территориального деления страны	<i>Territorial_transformation</i>	-167,547***	-	-	-	-146,811***	-34,169**
Реформирование с целью развития экономического потенциала страны	<i>Economic_reform</i>	-	71,837	-	-	62,143	28,370
Политическая стабильность и отсутствие насилия	<i>Political_stability</i>	-	-	217,794***	-	141,536**	43,127**
Продолжительность правления руководителя страны	<i>Leader</i>	-	-	-	-10,915*	-10,701**	0,054
Курс доллара к рублю	<i>Dollar</i>	-	-	-	-	-	-0,00003***
Доля городского населения	<i>Urbanization</i>	-	-	-	-	-	523,292***
Цена на нефть	<i>oil</i>	-	-	-	-	-	6,172***
Коэффициент детерминации	<i>R2</i>	0,089	0,012	0,115	0,054	0,227	0,924
Скорректированный коэффициент детерминации	<i>R2adj</i>	0,083	0,004	0,108	0,047	0,203	0,920
Стандартная ошибка модели		266,518	277,697	262,746	271,653	248,430	78,395
F-тест		F(1,133) = = 11,180, <i>p-value</i> = = 0,001	F(1,133) = = 1,007, <i>p-value</i> = = 0,318	F(1, 133) = = 7,398, <i>p-value</i> = = 0,007	F(1, 133) = = 3,841, <i>p-value</i> = = 0,052	F(4, 130) = = 5,127, <i>p-value</i> = = 0,000	F(7,127) = = 156,748, <i>p-value</i> = = 0,0000
Критерий Акаике		1893,168	1904,262	1889,320	1898,321	1877,113	1568,541
Критерий Шварца		1898,978	1910,073	1895,130	1904,131	1891,639	1591,783

Примечание. В таблице символами «*», «**», «***» приведены оценки коэффициентов, значимые на уровне 10, 5 и 1% соответственно; робастные стандартные ошибки.

Источник: рассчитано авторами.

Согласно критерию Фишера все построенные модели являются в целом статистически значимыми, кроме модели 2. При этом модель 4, оценивающая влияние продолжительности правления руководителя страны на ВВП, статистически значима на уровне 10%. По критериям Акаике и Шварца наилучшей является модель 6, содержащая, кроме переменных интереса, три контрольные переменные, введенные в модель, для того чтобы избежать несостоятельности оценок коэффициентов.

Согласно модели 1 политическая инициатива, направленная на изменение территориального деления страны, имеет статистически значимое отрицательное влияние на ВВП, т.е. проводимые по инициативе политического руко-

водства страны преобразования административно-территориального деления в течение изучаемого периода не способствовали положительному росту ВВП как стабильной тенденции в масштабах границ страны. В моделях 5 и 6 переменная также отрицательно влияет на ВВП. После включения ряда контрольных переменных мы видим, что влияние политической инициативы на ВВП сокращается почти в пять раз, однако сохраняет свой знак (отрицательное влияние) и остается статистически значимым на 5%-ном уровне. Все это опровергает выдвинутую гипотезу 1 о реформировании административно-территориального деления (вне зависимости от приоритета провозглашаемых властью политико-административных или экономических целей) как необходимой институциональной предпосылки экономического роста. Очевидно, что преобразования (перекройка) административных границ регионов де-факто имели ярко выраженное доминирование в решении политико-управленческих задач Центра укрепления власти на местах, но не способствовали положительному росту ВВП.

Важно отметить, что переменная «Реформирование с целью развития экономического потенциала страны» во всех построенных моделях незначимо влияет на ВВП. С математической точки зрения это означает, что гипотеза 2 не нашла подтверждения. Углубляясь в смысловое содержание полученного результата, можно предположить, что проводимые Центром преобразования с целью реализации экономического потенциала страны на протяжении анализируемого периода времени не показывали декларируемого органами власти положительного воздействия на экономический рост.

Результаты оценивания моделей 3, 5, 6 подтверждают выдвинутую гипотезу 3 о том, что «политическая стабильность» (*Political stability*) положительно воздействовала на рост ВВП: отсутствие институционального насилия экономико-необходимые ресурсы для благоприятного экономического развития. Соответственно, войны, революции, восстания и использование властью многообразных форм государственного насилия объективно сопровождалось экономическими кризисами и спадом ВВП.

Согласно модели 6 гипотеза 4 не подтвердилась: в исторической ретроспективе продолжительность правления политического руководителя страны не влияла на рост ВВП. Как представляется, большая продолжительность правления чисто арифметически увеличивала риск появления факторов «политической нестабильности», которые не могли положительно отразиться на развитии ВВП. Например, на 22 года правления Николая II приходилось восемь случаев политического насилия, на 23 года правления И.В. Сталина – 21 случай, на 17-летнее правление Л.И. Брежнева – ни одного. А в долгосрочной ретроспективе среднеарифметический показатель «политическое насилие» нейтрализовал зависимость между продолжительностью правления и ВВП.

Анализируя значимость контрольных переменных, отметим, что они ведут себя так, как и ожидалось: влияние цен на нефть и урбанизации на ВВП является положительным в отличие от негативного влияния валютного курса. При этом наибольший вклад в ВВП вносят процессы урбанизации.

Таким образом, согласно результатам моделирования, подтвердилась только одна из четырех гипотез. Вместе с тем, опровержение гипотез о позитивных последствиях политических и экономических инициатив в области

административно-территориального деления, проявляющихся в виде роста ВВП, позволило сформулировать значимые и объективно обладающие научной новизной выводы.

5. Заключение

В настоящем исследовании актуализирована проблема оценки эффективности административно-территориальных преобразований как одного из механизмов реализуемой государством стратегии в отношении территориальной организации населения и размещения производительных сил. В ходе обзора соответствующей научной литературы авторы сформулировали четыре гипотезы, апробация которых производилась применительно к национальной экономике в рамках относительно доступного временного лага данных с 1885 по 2019 г. Количественная оценка влияния административно-территориального реформирования на благосостояние страны производилась путем построения модели множественной регрессии. Оценка коэффициентов модели была проведена с помощью метода наименьших квадратов. Кратко остановимся на полученных результатах в разрезе сформулированных в работе исследовательских гипотез.

Гипотеза 1, заключающаяся в том, что политическая инициатива, направленная на изменение территориального деления страны, должна положительно отразиться на тенденциях общего экономического роста, не нашла эмпирического подтверждения. Полученные статистически значимые зависимости доказали, что преобразования по перекройке административных границ регионов в долгосрочной перспективе не способствовали положительному экономическому развитию.

Гипотеза 2, проверяющая наличие положительного влияния на развитие страны экономических реформ также не подтвердилась. При этом, в отличие от результатов моделирования относительно предыдущей гипотезы, исследуемый регрессор во всех рассмотренных моделях незначимо влияет на эндогенную переменную.

Гипотеза 3 ожидаемо подтвердила положительное влияние фактора «политическая стабильность» (отсутствие войн, революций, восстаний и пр.) на рост ВВП.

Гипотеза 4, тестирующая влияние продолжительности правления лидера страны на экономический рост ВВП, не подтвердилась: в исторической ретроспективе продолжительность правления политического руководителя страны незначимо влияла на рост ВВП. Данный вывод идет вразрез с сформировавшимся мнением о том, что склонность к долгосрочным инвестициям со стороны правителя повышается при условии гарантии длительного пребывания в руководящей должности (Gerring et al., 2021).

Полученные в исследовании выводы добавляют новые эмпирические свидетельства в систему научных работ, посвященных особенностям административно-территориального реформирования России и, таким образом, поддерживают дискуссию о важности создания действующих экономических механизмов пространственной организации ее обширной территории.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

- Арриги Дж.** (2006). Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего». [Arrighi J. (2006). *Long twentieth century. Money, power and the origins of our time*. Moscow: Publishing House "Territory of the Future" (in Russian).]
- Артемов Е.Т.** (2011). Научно-техническая стратегия «хрущевского десятилетия»: зигзаги реформ // *Экономическая история*. № 3 (14). С. 26–37. [Artemov E.T. (2011). Scientific and technical strategy of the "Khrushchev Decade": Zigzags of reforms. *Economic History*, 3 (14), 26–37 (in Russian).]
- Безвербный В.А., Микрюков Н.Ю., Мирязов Т.Р.** (2020). Современные и исторические тенденции пространственного развития России: социально-демографические аспекты // *Наука. Культура. Общество*. № 2. С. 63–81. [Bezverbny V.A., Mikryukov N. Yu., Miryazov T.R. (2020). Modern and historical trends in the spatial development of Russia: Socio-demographic aspects. *Science. Culture. Society*, 2, 63–81 (in Russian).]
- Валлерстайн И.** (2000). Миросистемный анализ // *Время мира: альманах*. Вып. 1. С. 105–129. [Wallerstein I. (2000). World-system analysis. *Time of the World: Almanac*, 1, 105–129 (in Russian).]
- Волкова О.Н.** (2013). Территориальность, функциональность, институциональность, в российских и европейских исследованиях макрорегионализации // *Региональная экономика: теория и практика*. № 16. С. 50–59. [Volkova O.N. (2013). Territoriality, functionality, institutionality, in Russian and European studies of macro-regionalization. *Regional Economics: Theory and Practice*, 16, 50–59 (in Russian).]
- Воробей А.П.** (2013). Изменения в административно-территориальном делении Евроарктического региона России в 1920–1930-е годы: цели и результаты // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. № 5. С. 14–22. [Vorobey A.P. (2013). Transformation of administrative and territorial division in the Euro-Arctic region of Russia in the 1920s–1930s: Objectives and results. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 5, 14–22 (in Russian).]
- Гергилев Д.Н.** (2017). Административно-территориальное деление России как фактор сохранения государственности (на примере Сибири в 1917–1923 гг.) // *Общество: философия, история, культура*. № 9. С. 53–56. [Gergilev D.N. (2017). Administrative and territorial structure of Russia as a factor of statehood preservation (a case study of Siberia in 1917–1923). *Society: Philosophy, History, Culture*, 9, 53–56 (in Russian).]
- Гладкий Ю.Н., Доброскок В.А., Семенов В.П.** (2013). Экономическая и социальная география России: в 2 т. Т. 1. 368 с. [Gladky Yu.N., Dobroskok V.A., Semenov S.P. (2013). *Economic and social geography of Russia*. In 2 vol., 1. 368 p. (in Russian).]
- Гольц Г.А.** (2004). Официальная по статистике и реальная урбанизация // *Демоскоп Weekly*. № 141–142. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0141/analit05.php>. [Golts G.A. (2004). Official statistics and real urbanization. *Demoscope Weekly*, 141–142. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0141/analit05.php> (in Russian).]
- Евдокимов С.И.** (2010). Административно-территориальные преобразования в России: оценка исторического опыта // *Псковский регионалогический журнал*. № 10. С. 23–28. [Evdokimov S.I. (2010). Administrative-territorial transformations in Russia: Assessment of historical experience. *Pskov Journal of Regional Studies*, 10, 23–28 (in Russian).]

- Евдокимов С.И.** (2012). Оценка административно-территориальных реформ как способ повышения экономической эффективности территорий // *Псковский регионалогический журнал*. № 13. С. 176–179. [Evdokimov S.I. (2012). Assessment of administrative-territorial reforms as a way to improve the economic efficiency of territories. *Pskov Journal of Regional Studies*, 13, 176–179 (in Russian).]
- Замулин О.А., Сонин К.И.** (2019). Экономический рост: Нобелевская премия 2018 года и уроки для России // *Вопросы экономики*. № 1. С. 11–36. [Zamulin O.A., Sonin K.I. (2018). Economic growth: Nobel Prize in economic sciences 2018 and the lessons for Russia. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 11–36 (in Russian).]
- Земцов С.П., Смелов Ю.А.** (2018). Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4 (40). С. 84–108. [Zemtsov S.P., Smelov Yu.A. (2018). Factors of regional development in Russia: Geography, human capital and regional policies. *Journal of the New Economic Association*, 4 (40), 84–108 (in Russian).]
- Ивантер А.** (2012). Хроника русской катастрофы. Режим доступа: <https://expert.ru/expert/2012/14/hronika-russkoj-katastrofy/>. [Ivanter A. (2012). *Chronicle of the Russian catastrophe*. Available at: <https://expert.ru/expert/2012/14/hronika-russkoj-katastrofy/> (in Russian).]
- Казарин В.Н.** (2004). Как могла быть устроена Восточная Сибирь в 1920-е гг.: к истории одной научной дискуссии // *Известия Иркутской государственной экономической академии*, № 1. С. 114–120. [Kazarin V.N. (2004). How Eastern Siberia could be organized in the 1920s: About the history of one scientific discussion. *Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy*, 1, 114–120 (in Russian).]
- Коломейцев Э.М.** (2010). Федеральные округа в России: уникальный опыт административно-территориального устройства государства // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. № 5. С. 35–40. [Kolomeitsev E.M. (2010). Federal districts in Russia: Unique experience of the administrative-territorial system of the state. *RUDN Journal of Political Science*, 5, 35–40 (in Russian).]
- Кырчиков М.С.** (2017). И.Д. Кабаков и уральский регионализм конца 1920-х – середины 1930-х гг. // *Научный диалог*. № 5. С. 198–207. [Kyrchikov M.S. (2017). I.D. Kabanov and Ural regionalism of the late 1920s – mid-1930s. *Scientific Dialogue*, 5, 198–207 (in Russian).]
- Ласточкина В.Б.** (2015). Организация экономического районирования в советской России в 1920–1930-е годы // *Вестник Чувашского университета*. № 4. С. 116–120. [Lastochkina V.B. (2015). Economic regionalization in the Soviet Russia in 1920–1930s. *Bulletin of the Chuvash University*, 4, 116–120 (in Russian).]
- Мекулов Д.Х.** (2008). Северный Кавказ: демократизация и «совершенствование» системы государственной власти к началу 40-х годов XX в. // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. № 6 (26). С. 182–188. [Mekulov D.H. (2008). The North Caucasus: Democratization and “improvement” of the system of state authorities by the beginning of 40th of the XX century. *News of the Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 6 (26), 182–188 (in Russian).]
- Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М.** (2020). Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. Т. 16.

- № 1. С. 66–99. [Minakir P.A., Isaev A.G., Demyanenko A.N., Prokapalo O.M. (2020). Economic macro-regions: Integration phenomenon or political and geographical expediency? The case of the Far East. *Spatial Economics*, 16, 1, 66–99 (in Russian).]
- Палхаева Е.Н.** (2018). Особенности создания Бурят-Монгольской Советской Социалистической Республики // *Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. № 2. С. 11–23. [Palkhaeva E.N. (2018). Aspects of establishing the Buryat-Mongolian Soviet Socialist Republic. *BSU Bulletin. Human Research of Inner Studies*, 2, 11–23 (in Russian).]
- Пивоваров Ю.Л.** (2001). Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 101–113. [Pivovarov Yu.L. (2001). Urbanization of Russia in the XX century: Ideas and reality. *Social Sciences and Contemporary World*, 6, 101–113 (in Russian).]
- Побережников И.В.** (2017). Модернизации в истории России: направление и проблемы изучения // *Уральский исторический вестник*. № 4. С. 36–45. [Poberezhnikov I.V. (2017). Modernization in the history of Russia: Direction and problems of study. *Ural Historical Journal*, 4, 36–45 (in Russian).]
- Присяжный М.Ю.** (2011). Экономическое районирование как инструмент территориальной организации хозяйства Якутии // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*. Т. 8. № 1. С. 157–163. [Prisyazhnyj M.Yu. (2011). Economic and geographical position as a special type resource during the development of the economy of undeveloped territories (by the example of Yakutia). *Vestnik of North-Eastern Federal University*, 8, 1, 157–163 (in Russian).]
- Протченко Н.П.** (2011). Территориальность и экстерриториальность как два принципа функционирования власти // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 2 (8). В 3 частях. Ч. III. С. 151–154. [Protsenko N.P. (2011). Territoriality and extraterritoriality as two principles of the functioning of power. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2 (8), in 3 parts, III, 151–154 (in Russian).]
- Смирнягин Л.В.** (2016). Судьба географического пространства в социальных науках // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. № 4. С. 7–19. [Smirnyagin L.V. (2016). The future of geographical space in social science. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk*, 4, 7–19 (in Russian).]
- Соловьева Т.В.** (2007). Идеи экономического районирования в исторической науке // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки*. № 49. Вып. 13. С. 153–162. [Solovieva T.V. (2007). Ideas of economic zoning in the historical. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 49, 13, 153–162 (in Russian).]
- Тархов С.А.** (2019). Основные пространственные закономерности эволюции сетки административно-территориального деления России за 300 лет // *Псковский региональный журнал*. № 4 (40). С. 16–33. [Tarkhov S.A. (2019). Basic spatial regulations of the evolution of the network of the administrative territorial management of Russia for 300 years. *Pskov Journal of Regional Studies*, 4 (40), 16–33 (in Russian).]
- Усягин А.В.** (2010). Развитие территориального управления в 1929–1991 гг. В: «Территориальное управление в России: теория, история, современность,

- проблемы и перспективы». Режим доступа: <http://www.terrus.ru/mono/r3/3.5.3.shtml>, дата обращения 02 февраля 2022 г. [Usyagin A.V. (2010). Development of territorial administration in 1929–1991. In: *Territorial administration in Russia: Theory, history, modernity, problems and prospects*. Available at: <http://www.terrus.ru/mono/r3/3.5.3.shtml> (in Russian).]
- Федорец М.Н.** (2018). Федеральные округа: значимость и роль в государственно-территориальном устройстве Российской Федерации // *Государство и право*. № 10. С. 136–140. [Fedorets M.N. (2018). Federal districts: Significance and role in the state-territorial structure of the Russian Federation. *State and Law*, 10, 136–140 (in Russian).]
- Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.** (2004). Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М.: Практикс. [Held D., Goldblatt D., McGrew E., Perraton J. (2004). *Global transformations. Politics, economics and culture*. Moscow: Praktiks (in Russian).]
- Черкасов К.В.** (2008). Федеральные округа: сущность и место в территориальном устройстве России // *Государство и право*. № 12. С. 67–75. [Cherkasov K.V. (2008). Federal districts: Essence and place in the territorial structure of Russia. *State and Law*, 12, 67–75 (in Russian).]
- Шубин С.И.** (2012). Архангельский север в контексте истории административно-территориального деления России XX–XXI веков // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. № 6. С. 39–43. [Shubin S.I. (2012). The Arkhangelsk North in historical context of administrative and territorial division of Russia of the 20th–21st century. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 6, 39–43 (in Russian).]
- Шульгина О.В.** (2005). Административно-территориальное деление России в XX веке: историко-географический аспект // *Вопросы истории*. № 4. С. 24–38 [Shulgina O.V. (2005). Administrative-territorial division of Russia in the XX century: Historical and geographical aspect. *Voprosy Istorii*, 4, 24–38 (in Russian).]
- Щербакова Т.И.** (2011). Советский опыт применения модели территориального управления 1957–1964 гг. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 4–3 (10). С. 202–207. [Shcherbakova T.I. (2011). Soviet experience of applying territorial management model of 1957–1964. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 4–3 (10), 202–207 (in Russian).]
- Gerring J., Wig T., Veenendaal W., Weitzel D., Teorell J., Kikuta K.** (2021). Why monarchy? The rise and demise of a regime type. *Comparative Political Studies*, 54, 3–4, 585–622.
- Gregory P.R.** (1982). *Russian national income, 1885–1913*. New York: Cambridge University Press.
- Harrison M.** (1996). *Accounting for war: Soviet production, employment and the defence burden, 1940–1945*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Markevich A., Harrison M.** (2011). Great war, civil war, and recovery: Russia's national income, 1913 to 1928. *Journal of Economic History*, 71, 3, 672–703.

Поступила в редакцию 10.02.2022

Received 10.02.2022

Yu. V. Dubrovskaya

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Yu. G. Belonogov

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

E. V. Kozonogova

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Evaluation of the effectiveness of administrative-territorial transformations in Russia¹¹

Abstract. In modern studies devoted to the issues of reforming the administrative-territorial division in the present and historical past of Russia, the point of view traditionally prevails, according to which the true goal of such transformations is to create not so much an economically efficient but a state-administrative territorial framework. However, most of these judgments are not supported by empirical evidence and quantitative estimates. Therefore, modeling the problem of the conflict of managerial and economic interests during the reform of the administrative-territorial division of Russia seems to be an interesting research task. Its solution will give a new assessment of the effectiveness of administrative-territorial transformations both in historical retrospect and in modern political realities. The authors collected statistical data for 135 years for studying the evolution of the territorial organization of Russia. The value of real GDP per capita in 1913 prices was chosen as an endogenous variable. As the main variables of interest, dummy variables were used, obtained according to the authors' grouping of historical events and characterizing political and economic initiatives to change the territorial division of the country. As a result of modeling, it was proved that the transformations on the «crossroads» of the administrative borders of the regions (regardless of the declared goals) during the period under review contributed more to solving the political and managerial tasks of the Center than to the economic development.

Keywords: *economic growth, administrative-territorial division, «Center-Regions» relationship system, spatial development.*

JEL Classification: O2.

For reference: **Dubrovskaya Yu.V., Belonogov Yu.G., Kozonogova E.V.** (2023). Evaluation of the effectiveness of administrative-territorial transformations in Russia. *Journal of the New Economic Association*, 1 (58), 89–108. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_89

¹¹ The research was carried out with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 21-78-10134, <https://rscf.ru/en/project/21-78-10134/>